

Густав Майринк

Bal Macabre

Густав Майринк

Val Macabre

Александр Б.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=149580

Содержание

Густав Майринк

4

Густав Майринк

Bal Macabre

Лорд Хоуплес был настойчив: он усадил меня за свой стол и представил каким-то господам.

Было уже далеко за полночь, и большинство имен я не запомнил.

С доктором Циттербайном мы были знакомы.

– Извините, но нам просто жаль, что вы сидите всегда один, – сказал он, пожимая мне руку. – Почему?

Я выпил совсем немного, однако отдельные слова, казалось, доносились издалека, сквозь легкий неуловимый кейф, какой обычно наступает в поздние ночные часы, когда табачный дым, женский смех и звуки канкана обволакивают вас особенно плотно.

Каким образом здесь, среди цыган, кек-уока и шампанского, мог возникнуть разговор о вещах фантастических?

Правда, лорд Хоуплес утверждал, что такое братство существует на самом деле – его члены, покойники или спящие летаргическим сном, принадлежали когда-то к высшему кругу, для всех живых людей они давно мертвы, лежат на кладбище в своих склепах, и их имена и даты смерти высечены на надгробных плитах. В действительности же, скованные вечной каталепсией, они находятся где-то в горо-

де, в стенах какого-то древнего здания, – бесчувственные и нетленные, покоятся в особых выдвигаемых ящиках под охраной горбатого слуги в башмаках с пряжками и в напудренном парике, которого зовут «залатанным Ароном». В определенные ночи у них на губах проступает матовое фосфоресцирующее свечение, которое служит горбуну знаком к началу таинственной процедуры на шейных позвонках этих лжемертвецов.

Теперь они, сбросив ненадолго оковы мертвого сна, могут свободно предаваться порокам большого города. С той иступленной жадностью, которая немыслима даже для самых рафинированных либертинов.

Жизненную энергию они либо крадут, обогащаясь за счет нервного зуда толпы, либо вампирически, наподобие клещей, всасываются в какого-нибудь пресыщенного распутника, душа которого уже не способна сопротивляться. У этого клуба, который носит странное имя Аманита, есть свои заседания, устав и строгий регламент приема новых членов. Но все это скрыто непроницаемым покровом тайны.

Конец я не расслышал, слишком громко взвизгнул избытый уличный мотив:

Да, да, да, Клара,
ты без обмана.

Трала, трала, трала,
тра-лалала-ла.

Этот неоконченный рассказ, как все искалеченное и уродливое, производил тягостное впечатление, а парочка мулатов, которая выворачивала суставы в каком-то негритянском канкане, только усиливала его.

Здесь, в ночном ресторане, среди размалеванных уличных проституток, кельнеров с бритыми затылками и набриолиненных сутенеров с их непременными подковами на счастье, история эта казалась мне каким-то жутким порождением кривого зеркала.

Время, когда оно остается без присмотра, всегда внезапно учащает свой бесшумный шаг, часы сгорают в секунды, вспыхивая в душе как ослепительные искры, чтобы высветить болезненные сплетения странных рискованных снов, сотканных из обрывков мыслей, из прошлого и будущего. Подобно тому, как сейчас в тумане моих грез снует уток чье-то голоса: *«Мы должны послать приглашение клубу Аманита».*

Ага, соображаю я, собеседники за столом вновь и вновь возвращаются к прежней теме.

Происходящее уже доходит до моего сознания, правда, какими-то короткими вспышками: вот разбивается бокал с ликером, тихое посвистывание – и на моих коленях сидит какая-то француженка, целует меня, вдвухает мне в рот дым сигареты и кончиком языка щекочет ухо. Потом, в который уже раз, мне подсовывают украшенную завитушками открытку: я должен подписать, но перо выпадает из моих пальцев – и

вот снова неудача, так как кокотка опрокидывает шампанское мне на манжеты.

Да, да, да, Клара,
ты без обмана, —

пронзительно выводят рефрен скрипки и вновь погружают мое сознание в глубокую ночь.

Стоит закрыть глаза, и кажется, что лежишь на толстом черном бархатном ковре, на котором там и сям тлеют алые рубины цветов.

«Надо бы перекусить, — доносится до меня. — Что-что?.. Икра? Чепуха. Принесите-ка мне... да — принесите-ка мне маринованные грибы».

И мы едим маринованные грибы, которые вместе с какой-то пряной травой плавают в светлом, насыщенном волокнами рассоле.

Да, да, да, Клара,
ты — не отрава.
Трала, трала, трала,
тра-лалала-ла.

За нашим столом вдруг оказывается странный акробат в болтающемся трико и справа от него какой-то горбун в маске и в белом льняном парике.

Рядом — незнакомая женщина; и все смеются.

Вот только как он сюда проник – с этими? Я обращаюсь: кроме нашей компании в зале никого.

«Ерунда, – думаю я себе, – ерунда!»

Стол, за которым мы сидим, очень длинный, и большая часть скатерти, свободная от тарелок и бокалов, белоснежно искрится.

– Мсье Фаллоид, станцуйте же нам, – кто-то из господ похлопал акробата по плечу.

«Уже без церемоний, – грезил я, – ви... видимо, он давно сидит здесь, этот... этот... это трико».

И я смотрю на горбуна, и наши взгляды встречаются. Белая лакированная маска и поблекший светло-зеленый камзол, сильно изорванный, весь в заплатах.

Оборванец!

Его смех напоминает звук какой-то жуткой трещотки.

«Crotalus! Crotalus horridus!»¹ – всплывает слово из школьной поры; я уже забыл, что оно означает, однако, прошептав его, содрогнулся.

Рука юной кокотки уже под столом, на моем колене. Я перехватываю ее.

– Меня зовут Альбина Вератрина, – прошептала девица запинаясь, словно посвящая меня в тайну.

Она придвинулась вплотную, и я смутно припомнил бокал с шампанским, вылитый мне на манжеты. Ее платье источало такой пряный запах, что я с трудом сдерживался, что-

¹ Трещотка! Ужасная трещотка! (лат.).

бы не чихнуть.

– В общем-то, ее зовут Жермэ – фрейлейн Жермэ, да будет вам известно, – громко сказал доктор Циттербайн.

Акробат хохотнул, посмотрел на нее и, словно извиняясь, пожал плечами.

Глядя на него, я не мог сдержать отвращения: с его шеи свисали бледные складки омертвелой кожи – что-то похожее на зоб индюка, только на манер жабо.

Он был хил и узкогруд, и трико цвета сырого мяса болталось на нем сверху донизу. Голову покрывала плоская зеленая панاما, крапленая мушками белых пуговок. Он танцевал с какой-то девицей, шею которой обвивала цепочка из ягод в крапинку.

Новые девицы? Откуда? Я вопросительно посмотрел на лорда Хоуплеса.

– Это Игнация – моя сестра, – сказала Альбина Вератрина и, подмигнув мне, истерически захохотала.

Потом ни с того ни с сего показана язык, и я с ужасом увидел, что он разделен надвое длинной запекшейся бороздой красного цвета.

Как при интоксикации, подумал я, откуда у нее эта красная бороздка?.. Как при интоксикации.

Тут как-то исподтишка вернулся расхристанный мотивчик:

Да, да, да, Клара,

ты – не отравля;

и я с закрытыми глазами видел, как дергаются в такт головы...

Как при интоксикации, грезил я и вдруг очнулся в ознобе: горбун в зеленом залатанном камзоле сдергивал с сидящей у него на коленях проститутки платье; судорожные марионеточные движения его рук напоминали пляску св. Витта под рваный ритм неслышной какофонии.

Потом доктор Циттербайн с трудом поднялся и расстегнул ей бретельки.

– Между секундой и секундой пролегает граница, которая не *во времени* – она лишь подразумевается. Это такие ячейки, как на сетях, – слышу я горбуна. – Но сосчитать все ячейки – это еще не время, и все же мы отсчитываем их – одна, другая, третья, четвертая...

Но если мы живем на такой *границе* и забываем и минуты, и секунды и ничего больше не знаем – значит, мы умерли и живем смертью.

Вам отпущено пятьдесят лет жизни, школа крадет десять; в итоге – сорок.

Сон пожирает двадцать: в итоге – двадцать.

На хлопоты уходит десять – в итоге десять.

Пять лет идет дождь – остается пять.

Из этих пяти лет четыре вас гложет страх перед завтрашним днем; итак, живете вы один год – в лучшем случае!

Почему же вы не хотите умереть?!

Смерть прекрасна.

Там покой, вечный покой.

И никаких страхов перед завтрашним днем.

Там вечное безмолвное настоящее, которого вы никогда не знали; там нет ни прошлого, ни будущего.

Там простерлось вечное безмолвное настоящее, которого вы никогда не знали!

Это тайные ячейки между секундой и секундой в сетях времени...

Слова горбуна отзываются в моем сердце страстной мелодией, я поднимаю глаза и вижу, как падает платье и девица сидит у него на коленях голая. Верхняя часть ее тела – какая-то фосфоресцирующая туманность, от ключиц до бедер.

Он погружает в нее пальцы, и там что-то дребезжит, как басовая струна, а наружу с грохотом вываливаются куски известковой накипи. Вот оно, чувствую я, смерть как накипь.

Тут середина скатерти начинает медленно вздуваться огромным белым пузырем, струя ледяного воздуха рассеивает туман. Становятся видны сверкающие струны, которые тянутся от ключиц проститутки к ее бедрам. Женщина-арфа!

Горбун импровизирует на ней тему смерти, которая выливается в какой-то странный гимн:

Страданьем обернется страсть,

блаженством? Нет. Наверное!
Кто ищет страсть, кто понял страсть,
тот выбрал боль, тот ищет боль.
Кто страсть не ищет и не ждет —
не ждет, не ищет и страдает.

Меня охватывает ностальгия по смерти, я жажду смерти.
Но в сердце темным инстинктом взбунтовалась жизнь.
Жизнь и смерть встали угрожающе друг против друга; это
уже судорога.

Мои зрачки неподвижны, акробат склонился надо мной,
и я увидел его болтающееся трико, зеленоватую шапочку с
мушками и бледное жабо.

«Каталепсия», – хотел прошептать я и не мог. По тому,
как он переходил от одного к другому, *выжидая* заглядывая
в глаза, я понял, что все мы *парализованы*, а он – *ядови-
тый мухомор*.

Нас накормили мухоморами с *Veratrum album*², пряным
зельем белокурой Жермэ.

Все это лики ночи!

Я хотел громко крикнуть – и не мог.

Я хотел повернуть голову – и не мог.

Горбун в белой лакированной маске тихо поднялся,
остальные последовали за ним, молча выстраиваясь в пары.

Акробат с француженкой, горбун с женщиной-арфой, Иг-

² Белая чемерица (*лат.*), *фр.* – Гермет (Жермэ); растение, содержащее силь-
нодействующий яд вератрин.

нация с Альбиной Вератриной. Так, пара за парой, манерным танцующим шагом проходили они мимо и исчезали в стене.

Лишь Альбина Вератрина обернулась и сделала непристойный жест в мою сторону.

Я хотел отвернуться или закрыть глаза – и не мог; мой взгляд был прикован к висящим на стене часам, стрелки которых подобно чутким воровским пальцам обшаривали циферблат.

В ушах застрял наглый куплет:

Да, да, да, Клара, лишь ты мне пара.
Трала, трала, трала, тра-лалала-ла,

а *Basso ostinato*³ проповедовал из бездны:

Страданьем обернется страсть:
кто страсть не ищет и не ждет —
не ждет, не ищет и страданья.

Я еще долго, очень долго наслаждался этой эйфорией интоксикации, все остальные покоились в объятиях смерти.

«Они были уже безнадежны», – сказали мне, когда подошла помощь.

Однако я подозреваю, что они уснули летаргическим сном и их похоронили живыми. Врач, правда, говорил, что инток-

³ Басовый повтор (лат.).

сикация ядовитыми грибами не может сопровождаться параличом, отравление мускарином протекает по-другому; но я подозреваю, что их похоронили живыми, и с ужасом думаю о клубе Аманита и призрачном горбатом слуге, «залапанном Ароне» в белой маске.